

РОССИЯ В
МЕМУАРАХ

Новое
Литературное
Обозрение

Г.Н. Сатиров

Рейх

Воспоминания о немецком плене
(1942–1945)

Новое
Литературное
Обозрение

Москва, 2023

УДК 94(47)084.8-054.65

ББК 63.3(2)62,7

С21

Серия выходит под редакцией

А. И. Рейтблата

Подготовка текста, вступительная статья и комментарии

М. Г. Николаева

Сатиров, Г. Н.

С21 Рейх. Воспоминания о немецком плене (1942–1945) / Георгий Николаевич Сатиров; подготовка текста, вступительная статья и комментарии М. Г. Николаева. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 376 с. (Серия «Россия в мемуарах»)

ISBN 978-5-4448-1891-6

Плен во время войны — событие, которое ставит солдата в сложное положение, часто подразумевающее угрозу со стороны не только противника, но и своего государства, и в то же время делает его обладателем уникальной точки зрения. Мемуары Георгия Николаевича Сатирова (1904–1981), воевавшего в народном ополчении в Крыму и попавшего в немецкий плен в самом начале гитлеровского наступления, содержат его воспоминания о пребывании в трудовых лагерях для военнопленных в Германии в 1942–1945 годах. Автор подробно описывает быт лагерей, отношение пленных к выполняемой работе, к сотрудникам лагерей и местному населению, взаимоотношения в среде заключенных, конфликты на национальной почве, готовность некоторых сотрудничать с нацистами. Фигуры пленных, фашистских надсмотрщиков и представителей лагерной администрации выписаны им очень выразительно, а эрудиция, наблюдательность и талант рассказчика делают эти мемуары не только ценным свидетельством, но и чрезвычайно увлекательным чтением.

УДК 94(47)084.8-054.65

ББК 63.3(2)62,7

В оформлении обложки использованы фрагменты изображений: Лагерь для военнопленных Шталаг IX-В возле Бад-Орба. Апрель 1945 г. Кадр из хроники. Мемориальный музей Холокоста США, фото предоставлено Национальным управлением архивов и документации; Советские военнопленные в Фальстаде. 1945 г. Неизвестный фотограф. The Falstad Centre; Г. Н. Сатиров. Фото из архива М. Г. Николаева.

© М. Г. Николаев, вступ. статья и комментарии, 2023

© Ю. Васильков, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Николаев М. Г.</i> Тема плена в неподцензурном изложении послевоенных времен	5
Рейх. Воспоминания о немецком плене (1942–1945)	42
Год 1942	42
Год 1943	101
Год 1944	168
Год 1945	252
Комментарии	327
Приложение. Воспоминания советских военнопленных (библиографический список публикаций 1995–2022 гг.)	373

ТЕМА ПЛЕНА В НЕПОДЦЕНЗУРНОМ ИЗЛОЖЕНИИ ПОСЛЕВОЕННЫХ ВРЕМЕН

Плен — неизбежная составляющая любой войны. Отношение государства к своим пленным воинам, которые оказались (иногда только временно) в положении не способных помочь Родине на поле боя, достаточно определенно характеризует любой общественно-политический строй.

Известно, что накануне гитлеровской агрессии против СССР советская пропаганда, опираясь на директивные документы и речи руководителей государства, настойчиво и громогласно убеждала население страны в том, что «броня крепка и танки наши быстры», а коль придется воевать, то будем бить врага на его территории и обойдемся при этом «малой кровью». Однако после 22 июня 1941 г., в условиях быстро развивавшегося наступления гитлеровской Германии и ее союзников, в пропагандистских материалах появились ранее не звучащие темы. Одной из них стала тема плена, которая была порождена суровой и непредвиденной реальностью¹. Реакцией на поражения в приграничных сражениях и угрозу военной катастрофы стал известный приказ Ставки Верховного главного командования Красной армии № 270 от 16 августа 1941 г., фактически приравнивавший сам факт попадания в плен к измене Родине².

---

¹ Тема плена не могла не быть затронута, конечно, в период Советско-финской войны 1939–1940 гг. Так, историк О. С. Смыслов упоминает об изданной Политуправлением Ленинградского военного округа брошюре Н. Брыкина и Н. Толкачева «Боец Красной армии не сдается», в которой военнослужащим разъяснялось, что, исходя из военной присяги, плен — это «измена Родине» и, следовательно, величайшее преступление и позор для советского бойца (см.: *Смыслов О. С. Плен. Жизнь и смерть в немецких лагерях*. М., 2014. С. 79).

² Впервые полностью приказ был опубликован в «Военно-историческом журнале» (1988. № 9). Помимо всего прочего приказ предусматривал арест семей сдавшихся в плен командиров и политработников, семьи же сдавшихся в плен красноармейцев лишались государственного пособия и помощи. Не лишним будет упомянуть и о том, что Г. К. Жуков, тогда командующий Ленинградским фронтом, отправил в штаб Балтфлота шифрограмму за № 4976, на основе которой начальник политического управления

Напомним, что в УК РСФСР, положения которого действовали в годы войны, текст статьи 193-22 гласил: «Самовольное оставление поля сражения во время боя, сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой, или отказ во время боя действовать оружием, а равно переход на сторону неприятеля влекут за собою — высшую меру социальной защиты с конфискацией имущества»³. Употребление термина «сдача», а не «попадание» предполагало некое сознательное, активное действие и свидетельствовало об обвинительном уклоне⁴. Выяснение вопроса о том, позволяла ли боевая обстановка продолжать сопротивление, предоставляло следствию широкие возможности для обвинительных интерпретаций.

Неудивительно, что в условиях развивающегося немецкого наступления центральная пресса уже с августа 1941 г. начала регулярно помещать публикации с характерными заголовками: «Фашистские звери живыми закапывают раненых красноармейцев» (Красная звезда. 1941. № 189. 13 авг.); «Ужасы фашистского плена» (Там же. 1941. № 244. 16 окт.); «Документы о расстреле немцами пленных красноармейцев в Волоколамске» (Там же. 1941. № 300. 21 дек.); «Фашистский плен хуже смерти» (Там же. 1942. № 163. 14 июля); «Что я пережил в плену у немцев» (Там же. 1942. № 197. 22 авг.); «Немцы заковывают пленных в цепи»

Балтфлота 28 сентября 1941 г. издал соответствующую директиву № 110/с. В шифрограмме сообщалось: «Разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращении из плена они также будут все расстреляны» (РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 18, Л. 18–19). Эта мера вполне соотносится с мнением будущего маршала в отношении военнопленных, высказанным им Д. Эйзенхауэру после того, как он услышал от него, что американцы обеспечивали попавших в плен солдат вермахта по рационам, принятым для американских военнослужащих, в том числе и по причине нежелания дать противнику предлог плохо обходиться с пленными из Великобритании и США. По словам Эйзенхауэра, Жуков был поражен и воскликнул: «Но что вам до солдат, захваченных немцами?! Они попали в плен и уже все равно не могли дальше сражаться!» (цит. по: *Dwight D. Eisenhower. Crusade in Europe*. Baltimore, Maryland: The Johns Hopkins University Press, 1997. С. 510).

³ Цит. по: Арзамаскин Ю. Заложники Второй мировой войны. Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М., 2001. С. 7. Курсив мой.

⁴ Ср. с формулировками Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 898-490 от 29 июня 1956 г. «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей», где фигурируют словосочетания «оказаться в плену», «попасть в плен», упоминается о таких обстоятельствах пленения, как исчерпанность средств к сопротивлению, ранение, контузия и проч. (ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. П. 1753. Л. 41–46).

(Правда. № 86. 1943. 1 апр.) и др.⁵ Газеты устами очевидцев (настоящих или вымышленных) подводили читателя (в первую очередь из числа военнослужащих) к выводу: «В тысячу раз лучше смерть в бою, чем фашистский плен!»⁶

Вот один из ранних и весьма красноречивых примеров — опубликованная в сентябре 1941 г. заметка фронтового корреспондента «Известий» литератора Виссариона Саянова с названием, отражающим официальную установку: «Советский воин в плен не сдаётся». «В какую бы обстановку ни попал советский боец, — говорится в первых же строках, — в каких бы трудных условиях ни находился, всегда он помнит о том, что большевики в плен не сдаются, и старается найти такой выход, который дает ему возможность вырваться из рук врага. А если уж положение безвыходное, он умеет принять решение, избавляющее от унижительного и позорного для воина плена». Какое это решение — прямо не сказано, однако намек высказан вполне очевидный (о расхожей рекомендации политагитаторов бойцам беречь последний патрон для себя хорошо известно). Впрочем, заключительная из трех рассказанных В. Саяновым историй не дает повода для каких-либо сомнений, подводя читателя к правильному выводу. В ней экипаж подбитого советского танка, израсходовав боеприпасы, взорвал вместе с собой машину. Как при отсутствии боекомплекта, способного сдетонировать, могли погибнуть «многие из окружавших машину белофиннов», было известно только автору⁷. Остается лишь догадываться, как относились к подобным пропагандистским сочинениям фронтовики. В дневниковой записи лейтенанта В. Стеженского от 28 июня 1942 г., к примеру, встречаем такие строки: «Прочитал новую повесть

⁵ В 1943 г. вышел даже систематический указатель сообщений о «немецких зверствах», опубликованных в советской печати с 22 июня 1941 г. по 30 июня 1942 г. См.: «Нам запретили белый свет...»: альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет / Сост. П. Полян и Н. Поболь. М., 2006. С. 13.

⁶ Ужасы фашистского плена // Красная звезда. 1941. № 244. 16 окт.

⁷ Саянов В. Советский воин в плен не сдаётся // Известия. 1941. № 212. 7 сент. А. Шнейер приводит свидетельство главного редактора «Красной звезды» Д. Ортенберга о полученном за день до публикации статьи В. Саянова указании и молниеносной реакции газеты: «В передовой со всей остротой был поднят вопрос, о котором до сих пор упоминали глухо, — о плене, отношении к нему советских воинов. “Сдача в плен немецко-фашистским мерзавцам — позор перед народом, перед своими товарищами, своими женами, детьми, преступление перед родиной” — таков был ответ газеты» (Шнейер А. Плен. Советские военнопленные в Германии 1941–1945. М.; Иерусалим. 2005. С. 109–110).

Панферова. Бездарная вещь. Хоть и называется “Своими глазами”. Вряд ли он все это видел в действительности. <...> Попадание комиссара Левченко в плен и вся его дальнейшая история до такой степени неправдоподобны и надуманы, что не выдерживают никакой критики»⁸. Действительно, панферовский персонаж, случайно захваченный противником, стойко переносит все страшные пытки, а вскоре его освобождают боевые товарищи, которые, попав в немецкую засаду, успевают передать ослабевшего комиссара партизанам. А через несколько месяцев военнопленный-краткосрочник, потерявший, как выяснилось, после пыток зрение, вновь оказывается в своей части⁹.

Итак, что же рекомендовали устав, приказы и основанные на них пропагандистские материалы? Сражаться до последнего патрона, а затем известным способом избавиться «от унижительного и позорного» попадания в плен. К тем же, кто не сумел его избежать, не предъявляются претензии только в случае пребывания в расположении противника самое непродолжительное время. Освобожденные через несколько суток или совершившие быстрый побег — вот те, кто наряду со «зверски замученными» не попадают в категорию подозрительных и не покрывают себя позором.

Любопытное свидетельство о том, как глубоко вышеописанные установки, растиражированные армейской пропагандой, проникали в сознание бойца Красной армии, содержится в обнаруженном в одной из братских могил дневнике рядового А. Галибина, попавшего в финский плен 5 сентября 1941 г. После изложения обстоятельств пленения, которого он не мог избежать, оставшись без оружия и патронов, автор заключает: «Вот и поворот в жизни. Сделал преступление перед Родиной. Сдался в плен»¹⁰.

Это убеждение многие военнослужащие не только пронесли через все годы войны, но и сохранили в последующий период до хрущевских времен. Так, в своем письме от 15 января 1952 г., адресованном И. В. Сталину и его сыну Василию, штурман ИЛ-2 А. А. Егорова-Тимофеева, попавшая в плен после того, как ее самолет был сбит залпом

⁸ Стеженский В. И. Солдатский дневник: военные страницы. М., 2005. С. 34.

⁹ Панферов Ф. Своими глазами. М., 1942. С. 22–35, 59–60.

¹⁰ Галибин А. «Год, который, не задумываясь, можно было бы вычеркнуть из жизни...»: дневник военнопленного, извлеченный из его могилы (26 июня 1941 г. — 5 сентября 1942 г.) // «Нам запретили белый свет...». С. 344.

немецких зениток летом 1944 г., писала, пытаясь добиться восстановления в партии: «...меня выбросило из кабины летчика. Горящий самолет <...> упал на землю возле немецких танков и там догорел, а я на раскрывшемся парашюте приземлилась неподалеку от него. *Руки мои обгорели настолько, что я не могла ими вынуть свой пистолет, чтобы покончить с собой*, обгорелые ноги заставили меня лежать в невменяемом состоянии. Меня без труда могли взять в плен не только вооруженные немцы-фашисты, но и безоружные дети»¹¹.

Случалось, что бывшим военнопленным об их «вине» напоминали и в соответствующих инстанциях. В протоколе допроса бывшего военнопленного рядового Л. Антракова в Пермско-Сергинском районном отделе МГБ Молотовской области от 24 марта 1947 г. читаем: «...27/1-45 г. я попал в 2 часа дня в плен немцев в районе г. Краков, километров 50 пройдя [от] г. Краков (Польша). <...>

Вопрос: Вы принимали присягу?

Ответ: Да, я принимал присягу 18 августа 1944 г.

Вопрос: Вы признаете, что нарушили присягу, тем самым изменили Родине?

Ответ: Да, если я оказался живым в плену у немцев, этим самым я нарушил присягу и изменил Родине»¹². Обращает на себя внимание то обстоятельство, что речь идет о ситуации конца января 1945 г., когда для подозрений в добровольной сдаче противнику, поражение которого уже не вызывало никаких сомнений, весьма трудно найти разумные основания.

Понятно, что чувство вины, которое испытывали многие из тех, кто принял эти обвинительные установки, не способствовало их желанию делиться воспоминаниями о годах, проведенных в плену. А вот попытки оправдать себя и других, восстановить справедливость — были.

Любопытна судьба опубликованного М. Ф. Шумейко документа о плене, датированного 1943 г. и отложившегося в фонде Комиссии по истории Отечественной войны при ЦК КП(б) БССР¹³. Это 73-страничная

¹¹ Последние письма Сталину. 1952–1953 гг. М., 2015. С. 35. Курсив мой.

¹² Война глазами военнопленных: красноармейцы в немецком плену в 1941–1945 гг.: сб. документов. 2-е изд., с изм. и доп. Пермь, 2008. С. 629.

¹³ Шумейко М. Ф. Нацистские лагеря для военнопленных в Белоруссии глазами военврача Красной Армии Л. Атанасяна // https://www.stsg.de/cms/sites/default/files/dateien/texte/Shumejko_ru.pdf (дата обращения 25.08.2022).

рукопись военврача, кандидата медицинских наук Л.А. Атанасяна «Правда о немцах (20 месяцев в плену у немцев. X.41 — V.43)». Текст написан в расчете на публикацию в виде брошюры. В его основе авторские наблюдения и размышления, сделанные в плену. После освобождения из лагеря для военнопленных, работы в одной из больниц в Бобруйске и трехмесячного пребывания в партизанском отряде, где и была написана рукопись, Атанасяна вывезли на Большую землю, после чего 17 сентября 1943 г. он был арестован «по подозрению в пособничестве немецким оккупационным властям», а позже осужден на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Воспоминания его были пересланы 23 сентября 1943 г. в Москву секретарю ЦК КП(б) БССР П.К. Пономаренко. Отправитель — секретарь Полесского обкома КП(б) БССР И.Д. Ветров — усматривал их ценность исключительно в том, что приведенные факты «частью могут быть использованы как показывающие зверства немцев с русскими военнопленными», то есть отнесся к тексту как к пропагандистскому материалу. Но, очевидно, не только осуждение автора стало препятствием для использования написанного, а и «неудобное» содержание, не ограничивающееся расхожими газетными штампами.

В связи с вышесказанным следует напомнить и об известной ноте В.М. Молотова «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных», опубликованной в «Известиях» от 26 ноября 1941 г. Эта нота явно преследовала цель дискредитировать противника перед лицом «международной общественности», но она не стала тем инструментом, который помог бы по-настоящему облегчить положение военнопленных. Тяготы плена и преступления нацистов дали лишь очередной повод для международной и внутренней пропаганды.

Помимо рукописи Атанасяна во время войны появляются и первые попытки художественного осмысления темы плена. В 1943 г. по свежим следам писатель Константин Воробьев создал автобиографическую повесть «Это мы, господи!..», которая в 1947 г. поступила в редакцию журнала «Новый мир». Однако не только сама тема плена, но и уровень правды в передаче событий войны надолго исключили возможность ее публикации¹⁴. Повесть «Пропавшие без вести» Степана Злобина, другого писателя из категории бывших военнопленных, была изъята

¹⁴ Повесть впервые была опубликована в журнале «Наш современник» (1986. № 10. С. 96–153).

у автора в 1947 г., и только в 1962 г. двухтомный роман «Пропавшие без вести», написанный на ее основе, увидел свет. Показательно и то, что некоторые свидетельства 1945–1947 гг., отложившиеся в фонде Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам и общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК), стали публиковаться только в последние десятилетия¹⁵.

В своих записях, относящихся к 1988 г., Ф.И. Чумаков пишет о начале своей работы над мемуарами: «Я давно собирался, но все откладывал. Лучшее время было уже упущено. Следовало начинать писать в 1946–1947 гг., когда я имел инвалидность и не работал. Именно тогда можно было восстановить в памяти гораздо более детально самые интересные события 1941–1945 гг. Я же приступил к мемуарам, когда близилось 70-летие <...>. Я понимал, что самая важная часть мемуаров, которая к тому же может иметь значение и для исторической науки, это рассказ о войне и плене»¹⁶.

Так или иначе, но воспоминания и автобиографические повествования, написанные в первые послевоенные годы, единичны.

Хрущевская оттепель внесла значительные перемены в судьбы многих бывших военнопленных. 17 сентября 1955 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Однако только через год — 20 сентября 1956 г. — появилось постановление, разъясняющее, что текст указа распространяется и на бывших военнослужащих Советской Армии и Флота, осужденных за сдачу в плен врагу¹⁷. Еще раньше — 19 апреля 1956 г. —

¹⁵ См., например, опубликованный П.М. Поляном «Дневник военнопленного Сергея Воропаева» (Знамя. 1996. № 6. С. 156–176).

¹⁶ Чумаков Ф.И. Мемуары. Ч. V. Хроника семейной жизни конца XX века (первый вариант, нуждающийся в выверке и редактировании). [2000] // ОПИ ГИМ. Ф. 501. Не обработано. С. 69–70.

¹⁷ Постановление Верховного Совета СССР от 20 сентября 1956 г. «О применении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» к военнослужащим Советской Армии и Флота, сдавшимся в плен врагу в период Отечественной войны» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1958 гг. М., 1959. С. 615–616.

по постановлению Президиума ЦК КПСС была создана Комиссия ЦК по изучению положения бывших военнопленных¹⁸, а 29 июня 1956 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 898-490 «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей», в котором осуждались практика «огульного политического недоверия к бывшим советским военнослужащим, находившимся в плену или окружении противника», широкое применение необоснованных репрессий и незаконное ограничение их прав.

Постановление, в частности, предписывало Министерству культуры СССР по согласованию с Министерством обороны СССР «включить в тематические планы издательств, киностудий, театров и культурно-просветительных учреждений подготовку художественных произведений, посвященных героическому поведению советских воинов в фашистском плену, их смелым побегам из плена и борьбе с врагом в партизанских отрядах».

Обращает на себя внимание рекомендуемая тематика, предопределившая основные линии будущих повествований: героизм, побег, участие в партизанском движении. К самым известным произведениям, порожденным новыми веяниями, относится рассказ М. А. Шолохова «Судьба человека» (1956), опубликованный в двух номерах «Правды» (!) и экранизированный в 1959 г. На новом витке разоблачений сталинизма вышел на экраны кинофильм Г. Чухрая «Чистое небо» (1961). Появилась литература, рассказывающая об антифашистском сопротивлении в немецком тылу, в том числе посвященная М. Джалилю, Ф. Полетаеву, В. Порику и др. Однако несмотря на то, что тема судьбы советских военнопленных перестала быть для общества закрытой, подходы к ней продолжали сохранять следы односторонности и содержали стереотипы сталинских времен: получалось, что советскому военнопленному нельзя было предъявить претензий только при условии, если он помышлял о побеге или занимался подпольной работой. Так, герой шолоховского рассказа Соколов не просто совершает побег, а, усиливая с помощью писательского воображения реабилитирующие его аргументы, захватывает вместе с собой ценного «языка» и важную документацию¹⁹.

¹⁸ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2003. Т. 2. С. 73.

¹⁹ См.: Шолохов М. А. Собр. соч. М., 1986. Т. 7. С. 547–549.

Наступившие перемены привели к тому, что со второй половины 1950-х гг. началась публикация мемуаров, дневников, автобиографической прозы, авторами которых выступали бывшие военнопленные²⁰. Эта категория свидетельств и стала надолго той основной источниковой базой, которая формировала представления общества о судьбах военнопленных.

Авторы изданий конца 1950–1960-х гг. прежде всего пытались снять с военнопленных клеймо предателей, убедить читателя, что попадание в плен не содержит состава преступления. Так, побывавший в плену один из персонажей повести, изданной в 1962 г., в диалоге с приютившей его хозяйкой патетически восклицает: «Клеймо на мне, понимаешь, клеймо! <...> У меня душа горит, я сейчас фрицев зубами грыз бы. Ты знаешь, что такое честь солдатская! Кровью с нее позор смывается, кровью <...>». — «Да не убивайся так, Сеня! — утешает его собеседница, чьими устами разбиваются старые стереотипы. — Не один ты в плену был, не по своей воле <...>»²¹.

Вторая отличительная черта — развенчание мнения, что самоубийство лучше сдачи в плен. В автобиографическом романе С. Злобина один из героев страстно убеждает собеседника: «Я понимаю, что плен — позор для меня, командира. А принял я этот позор. Ты думаешь, что я должен был застрелиться? А что же, это ведет к нашей победе над Гитлером? Нет! Так зачем же? Что ты за самурай японский?! <...> Банкроты кончают с собою, а мы не банкроты! На земле еще с нас многое спросится <...>. Нам еще надо из плена выбраться и до Берлина дойти с победой!»²² Реабилитируя тех, кто не оставил для себя последнюю пулю, автор находит оправдание в том, что

²⁰ См.: *Голубков С.А.* В фашистском лагере смерти: воспоминания бывшего военнопленного. Смоленск, 1958 (2-е изд. 1963); *Бондарец В.И.* Военнопленные (Записки капитана). М., 1960; *Волынский Л.* Сквозь ночь // Новый мир. 1963. № 1. С. 113–143 (отд. изд.: М., 1974); *Сабуров С.П.* Всегда солдат / Лит. запись Ю. Новикова. М., 1963; *Кобытев Е.С.* Хорольская яма. Красноярск, 1965 (переизд. с доп.: Харьков, 1989); *Злобин С.П.* Пропавшие без вести. М., 1962. 2 т. (2-е изд. 1964, далее ссылки на это изд.); *Злобин С.* В Минском лагере военнопленных: из записных книжек 1941–1942 гг. // Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. М., 1966. Кн. 2. С. 134–157. Характеристику некоторых мемуарных произведений хрущевской эпохи см.: *Ерин М.Е.* Советские военнопленные в нацистской Германии. 1941–1945 гг.: проблемы исследования. Ярославль, 2005. С. 14–18.

²¹ *Гринин Е.И.* Золотые коронки. Волгоград, 1962. С. 4.

²² *Злобин С.П.* Пропавшие без вести. Т. 1. С. 395.

и в плену можно бороться, а при случае бежать к своим, чтобы продолжить сражаться.

Л. Вольнский также вынужден специально останавливаться на такой детали, как отсутствие у него — младшего лейтенанта — на вооружении пистолета, который заменяла выданная винтовка. «При желании, — поясняет автор, — можно застрелиться и из винтовки: надо разуться и нажать большим пальцем ноги, как это делали и делают самоубийцы и самострелы. Почему я не сделал так — то ли времени не достало, то ли решимости или силы совершить в такую минуту столько физических действий, то ли попросту сработал инстинкт, — сказать со всей определенностью не могу»²³.

Говоря о других сюжетах, следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Одна из самых важных задач в работе с мемуарными текстами — оценка их достоверности. Вплоть до 1995 г., а тем более в хрущевско-брежневскую эпоху в наибольшей степени это касалось ряда «опасных» сюжетов, связанных с нормами закона, положениями уставов и анкетными вопросами, на которые вынуждены были отвечать освобожденные советские военнопленные на сборных пунктах и в проверочно-фильтрационных лагерях, а также в процессе повторных следственных действий по возвращении на родину. Понятно, что эти сюжеты в мемуарных повествованиях являются самыми сложными для верификации.

Первый среди них — описание обстоятельств попадания в плен, которое должно было убедить читателя в отсутствии вины. Симптоматично, что в воспоминаниях В. И. Бондарца, упомянувшего о своем ранении (причем весьма неконкретно), вслед за изложением процедуры сжигания документов следует не рассказ о непосредственном пленении (который опущен), а сцена нахождения под охраной на сборном пункте²⁴. Преувеличение тяжести ранений и контузий, очевидно, также стало у некоторых авторов одним из способов самозащиты.

Уничтожение партийных и комсомольских документов, сокрытие принадлежности к полит- и начальствующему составу также заставляли объясняться с читателем и находить оправдания (документы

---

²³ Вольнский Л. Указ. соч. С. 122.

²⁴ Бондарец В. И. Указ. соч. С. 14.

уничтожали якобы из-за опасения их использования врагом)²⁵. Сохранение в плену комсомольского билета некоторые из бывших военнопленных рассматривали как реабилитирующее обстоятельство. Так, В.Т. Варягин, уличенный следователем проверочно-фильтрационного лагеря в обмане, показал: «Я думал, что если скажу, что я хранил комсомольский билет, то меня скорей отсюда отпустят домой»²⁶. Поэтому характерно, что в романе С. Злобина партийные и комсомольские билеты преподносятся читателю в качестве якобы особо оберегаемой в плену ценности²⁷.

В литературе периода хрущевской оттепели советских военнопленных представляли людьми несломленными, сохранившими чувство собственного достоинства и презрения к поработителям и их прислужникам. «Фашистов бесит непокорность нашего человека, — писал о своем пребывании в немецком пересыльном лагере Е.С. Кобытев. — Она видна во взглядах, в репликах из толпы, в поведении узников. Палачей выводит из себя чувство собственного достоинства у советских людей, отсутствие у них раболепия»²⁸. С.П. Сабуров рисует сцену, в которой он отказался взять буханку хлеба у знакомого лагерного полицейского, раздавив ее ногой и пристыдив незнакомых солагерников за попытку эту буханку подобрать²⁹.

Сложной для мемуариста задачей было описание трудовой деятельности, которая могла быть истолкована как работа на противника.

Авторы предисловия к документальному сборнику материалов «Война глазами военнопленных...» (2008) совершенно справедливо обращают внимание на то, что в протоколах допросов бывшие военнопленные в целях самозащиты «очень скупо рассказывали о работе на военном производстве, охотно вспоминали о голоде, холоде

²⁵ Так, С.А. Голубков, сожалевший о том, что не сумел перед пленением застрелиться, уничтожение своего партбилета объяснял желанием предотвратить его использование диверсантами, забрасываемыми в советский тыл (*Голубков С.А.* Указ. соч. С. 6–7, 21, 24). Что же касалось сокрытия принадлежности к политсоставу, то он предлагал читателю удовлетвориться следующим заявлением: «Мне тяжело было отказываться от того, чем я гордился, — от своей причастности к политическим работникам, но отказ этот был внешним, внутренне я им оставался все это время» (Там же. С. 46).

²⁶ *Война глазами военнопленных.* С. 191–192.

²⁷ *Злобин С.П.* Пропавшие без вести. Т. 1. С. 388, 425, 645; Т. 2. С. 177.

²⁸ *Кобытев Е.С.* Хорольская яма. Красноярск, 1965.

²⁹ *Сабуров С.П.* Указ. соч. С. 57.

и унижениях, которым подвергались в лагере», хорошо зная следовательскую «логику»: «Если был занят на военном заводе, значит, помог врагу делом. Если трудился подмастерьем у ремесленника, значит, имел какие-то заслуги перед немецким командованием и т. д. и т. п.»³⁰

В воспоминаниях М. В. Яковенко — врача из числа бывших военнопленных — упоминается о судьбе коллеги, с которым автор совершил побег и находился в партизанском отряде. После переправки на Большую землю этот коллега был отправлен врачом в штрафбат. В рассказе Яковенко беседа со следователем протекала следующим образом: «Кого вы лечили?» — «Пленных». — «Вылечили для кого? Куда они пошли потом?» — «На работу». — «На кого?» — «На немцев». — «Вот видите, значит, пособничали врагу!»³¹ Подобные обвинения часто падали на подготовленную почву. Сознание собственной вины встречается, например, в воспоминаниях И. К. Яковлева при описании одного из этапов пребывания в плену: «Так началась моя работа в шахте Рура по добыче угля для великой Германии, помогая фашистам разорять мою Родину, убивать соотечественников. <...> Шли дни, успешно продвигались на запад наши войска, освобождая от врага города и села, а я, пленный, помогаю врагу, ежедневно добываю для него вагон угля. Это же явное предательство своему народу»³². У Д. А. Небольсина, поработавшего в Германии в различных рабочих командах, читаем: «Острой болью пронизывало от сознания того, что мы в какой-то мере стали невольными пособниками врага...»³³. Не стоит искать других объяснений, почему в воспоминаниях бывших военнопленных нередок явный акцент на рассказах о саботаже и вредительстве. Нехватка фактов у некоторых авторов легко заменяется высокопарной патетикой: «Мы должны вредить. <...> Мы дали себе клятву. Наше счастье, что враг не мог читать в душах, иначе нас всех тут же отправили бы на виселицу»³⁴. В желании изобразить себя в выгодном свете некоторые авторы не замечают некой двусмысленности написанного. Так, в воспоминаниях

³⁰ Война глазами военнопленных... С. 8.

³¹ Яковенко М. В. Воспоминания времени Отечественной войны // <https://iremember.ru/memoirs/mediki/yakovenko-mstislav-vladimirovich/>.

³² Яковлев И. К. Мой рок в войне: воспоминания о трех месяцах войны и четырех годах плена // <http://warplen.chat.ru/>.

³³ Небольсин Д. А. Дважды младший лейтенант. М., 1998. С. 146.

³⁴ Васильев А. С. Мемориал. М., 1986. С. 87.

С. А. Голубкова рассказывает о том, как их патриотическая группа выпускала в Рославльском лагере листовки с призывом к сокамерникам не ходить на работу, а если соглашаться, то заниматься вредительством³⁵. Однако авторы призывов не могли не понимать: работа за пределами лагеря давала возможность страдающему от жесточайшего голода военнопленному выжить, получая дополнительное питание.

К этой же категории рассказов о трудовой деятельности можно отнести сокрытие своей квалификации и предпочтение «грязной работы» (вплоть до ассенизаторской), которые также встречаются у мемуаристов:

«— Привезут на завод, поставят к станку. Что тогда? Откажешься? — Откажусь.

— И подхватишь пулю в лоб. <...> Лучше уж г... возить. Руки грязные, зато совесть чистая»³⁶.

Тот же автор описывает, как отобранные для квалифицированной работы военнопленные отказались работать в чертежной мастерской, после чего их заставили заниматься тяжелой работой по перетаскиванию бревен в лесу, грозящей быстрым истощением со всеми вытекающими последствиями. И только уверения сокамерников в том, что в «чертежке» за некоторым малым исключением все отлынивают от работы и откровенно саботируют, убедило отказников переменить решение. Вот как в книге выглядит монолог одного из лагерных старожил: «Я такой же русский и, смею говорить, такой же честный человек, как и вы. В свое время тоже таскал проклятые бревна. А потом оказалось, что это вовсе не нужно. Чертежка — ширма. Она создает лишь видимость нашей деятельности. На ее фоне ступеньвается работа нескольких продавшихся сволочей <...>»³⁷. Естественное желание идти на уловки, чтобы избежать жесточайшей эксплуатации в рабочих командах при скудном питании, не компенсирующем расход физических сил, могло также преподноситься как идеологически мотивированный саботаж.

Многие советские военнопленные жили в тяжелых условиях. При этом упоминания о любых послаблениях и доброжелательном отношении со стороны отдельных представителей лагерной администрации

³⁵ Голубков С. А. Указ. соч. С. 57–58, 63–64.

³⁶ Бондарец В. И. Указ. соч. С. 59–60.

³⁷ Там же. С. 63–67.

и охраны могли быть расценены как аргумент в пользу обвинения в предпочтении этих условий угрозе жизни и здоровью в боевой обстановке на фронте. Отсюда часто встречающиеся преувеличения «зверств» и замалчивания случаев «либерализма», стремление убедить тех, кто считал плен легко переносимым. Не случайно своеобразным рефреном воспоминаний Л. А. Атанасяна является фраза, с которой автор и начинает свое повествование: «Только тот, кто побывал в плену у немцев, может с полным правом сказать, что он действительно познал предел человеческого страдания, предел тех физических, моральных и душевных мук, которые в силах вынести человек»³⁸.

Минули десятилетия, прежде чем со второй половины 1980-х гг., когда ослабла необходимость «солидарной» защиты от упреков в предпочтении «легкой жизни» в плену фронтовым опасностям, мемуаристы заговорили о дифференцированных условиях пребывания в неволе. «Не следует всех бывших военнопленных причислять под одну гребенку, — писал Ю. Апель. — Плен, как и сама жизнь, очень многообразен. Лагерь военнопленных сильно разнится по своему назначению, режиму, обращению, кормежке и возможностям в них выжить. Эта сторона или особенность плена как массового явления в нашей литературе практически не нашла отражения даже в тех произведениях, которые целиком посвящены проблеме советских военнопленных»³⁹. Д. Чиров, попавший на работу в крестьянское хозяйство в Австрии, уже не боится признаться, что «лучших условий <...> для военнопленных не было и быть не могло»⁴⁰. Иным образом обстояло дело с воспоминаниями, не рассчитанными на публикацию. Н. П. Ундольский, писавший в начале 1980-х гг. для семейного круга, мог позволить себе упомянуть о лагере в Демблине (1942): «Охрана в этом лагере состояла только из немцев, а комендант его строго запретил рукоприкладство, и не было случаев, чтобы кого из нас ударили». И далее: «К моему счастью, в Германии мне не пришлось побывать в тех лагерях, в которых издевались над пленными. Большинство немецких солдат, унтер-офицеров, вахт-майстеров

³⁸ Шумейко М. Ф. Указ. соч. С. 190.

³⁹ Апель Ю. Доходяга: воспоминания бывшего пехотинца и военнопленного (сентябрь 1943 — февраль 1945). М., 2009. С. 14.

⁴⁰ Чиров Д. Т. Среди без вести пропавших: воспоминания советского военнопленного о штабале XVII «Б» Кремс-Гнайксендорф: 1941–1945 гг. М., 2010. С. 166–167.

и младших офицеров, которых я знал, относились так же, как и немецкие крестьяне, к нам по-человечески»⁴¹.

Главными факторами, способствующими реабилитации, долгое время считались побеги и подпольная внутрилагерная работа.

Установка на обязанность совершения побега при малейшем ослаблении контроля со стороны охраны (без учета реальных возможностей: физического состояния, удаленности от фронта, запаса продовольствия, отношения населения, знания языка и проч.) долго порождала явно надуманные, самооправдательные пассажи. Например, А.С. Васильев описывает, как он в период пребывания в немецком плену на территории Германии был направлен из «рабочей команды» в городской госпиталь под конвоем. Затем конвойный удалился навести справки, и он остался один. «Несколько минут я стоял никем не охраняемый, — повествует А.С. Васильев, — и мог бы спокойно уйти, убежать, скрыться <...> “Свобода!” Может быть, еще минута-другая, и я решился бы <...>. Но вышел из домика пост, поманил меня пальцем»⁴². Похожий фрагмент встречаем в других воспоминаниях: «Я уже мог подниматься с постели, делать несколько шагов без посторонней помощи. И снова мысли о побеге овладели мной. Может быть, именно здесь я смогу их осуществить? Ведь я не в лагере, городская больница, наверное, не охраняется. Когда в палате, кроме больных, никого не было, я решил добраться до окна. Хватаясь руками за спинки коек, с трудом передвигая ноги, подошел к окну, заглянул во двор. За оградой из темного штaketника чернели мундиры полицаев: больница усиленно охранялась. Я вернулся и лег. Товарищ по койке посмотрел на меня понимающим взглядом, отвернулся к стене. Оказывается, не один я мечтал о свободе»⁴³.

Отметим, что побеги преподносились, как правило, в качестве идеологически мотивированных действий, хотя часто они были продиктованы осознанием губительности условий содержания, угрозой голодной смерти. Например, Анатолий Деревенец вспоминал: «Я с каждым днем слабел, но чувство голода было как-то притуплено <...>. Ведь ясно, что

⁴¹ «...Мое четырехлетнее невольное путешествие на запад»: из воспоминаний бывшего военнопленного Н.П. Ундольского (1941–1945 гг.) // Отечественные архивы. 2022. № 1. С. 112, 116.

⁴² Васильев А.С. Указ. соч. С. 49. Пост — здесь: часовой, охранник (от *Posten*, нем.).

⁴³ Дряян И.Л. Клятву сдержали / Лит. обработка А.А. Костюченко. Минск, 1975. С. 46.

ни сеledка, ни горсть овса не спасут от медленного, но верного умирания. Было только одно спасение — бежать!»⁴⁴ О моральной стороне побега, то есть о том, что опасные последствия могут грозить проявляющим сочувствие конвоирам, начальникам работ, другим сокамерникам и т.п., вопрос долгое время даже не ставился⁴⁵. Проявления обычной человеческой порядочности: сокрытие евреев, комиссаров, высших офицеров, выдававших себя за рядовых, — квалифицируются как опять-таки акт идеологического противостояния, что верно только отчасти. Преувеличение массовости сопротивления создавало искаженное представление об идейно-политической ориентации военнопленных, верности их советским идеалам; описания проявлений товарищеской взаимопомощи преобладали над картинами розни, конфликтов (в том числе и на национальной почве), воровства, доносительства, предательства, порожденных жесточайшей борьбой за выживание⁴⁶. Внутрилагерная меновая торговля, покупка тех или иных услуг явно не вписывались в привычно изображаемую картину, где царили сплоченность, солидарность, дружеская поддержка и взаимопомощь⁴⁷. «На эти сцены торговли нельзя было смотреть без жалости,

⁴⁴ *Деревенец А.* Сквозь две войны: записки солдата // Сквозь две войны, сквозь два архипелага...: воспоминания советских военнопленных и остовцев / Сост. П. Полян, Н. Лоболь. М., 2007. С. 169. О побегах из-за «нетерпимой жизни», стремления «любыми средствами изменить обстановку» см.: *Цыганков Д. С., Цыганков В. Д.* Отец: дневник майора Красной Армии 7 октября 1941 г. — 12 сентября 1945 г. М., 2000. С. 46–47 и др. Подробнее об историографических спорах относительно форм и характера Сопротивления, содержания самого термина см.: *Ерин М. Е., Хольный Г. А.* Трагедия советских военнопленных (история шталага 326 (VI К) Зенне. 1941–1945 гг.). Ярославль, 2000. С. 81–88; *Ерин М. Е.* Историография ФРГ о советских военнопленных в фашистской Германии // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 158–159.

⁴⁵ *Обрынба Н. И.* Судьба ополченца. М., 2005. С. 170 и др.; *Небольсин Д. А.* Указ. соч. С. 105; *Апель Ю.* Указ. соч. С. 185–186. В. Решетников вспоминает о том, как им в лагере зачитали приказ о расстреле в случае побега кого-либо из военнопленных каждого десятого из оставшихся (*Решетников В.* Защитник своей Родины: реальная история 20-летнего парня. 2-е изд. М., 2005. С. 65). О похожем случае можно прочитать у Л. Волынского (см.: *Волынский Л.* Указ. соч. С. 138).

⁴⁶ По этому поводу Ю. Апель, в частности, пишет: «Доводилось мне читать, что в лагерях военнопленных были и действовали группы сопротивления, группы помощи ослабевшим. В лагерях, в которых пришлось побывать мне, таких групп или не было вовсе, или они на меня не обращали внимания» (*Апель Ю.* Указ. соч. С. 64).

⁴⁷ У некоторых авторов, публиковавшихся в хрущевский период, все же встречаются описания лагерных базаров, но с характерной оговоркой о том, что они «пришлись фашистам не по душе», призванной придать этому явлению оттенок непокорности. См.: *Голубков С. А.* Указ. соч. С. 167–168.

отвращения и гнева», — читаем в изданных в 1963 г. воспоминаниях С.П. Сабурова, говорившего сокамернику, что нужно «прекратить эту позорную торговлю, повлиять на людей, разбудить в них чувство собственного достоинства»⁴⁸.

Освещение темы внутрилагерного сопротивления является весьма непростой проблемой. Участие в подпольной работе, как уже говорилось, представляло собой один из важнейших факторов, позволяющих добиться ослабления подозрительности и негативного отношения к оказавшимся в плену. Немецкие исследователи Р. Отто и Р. Келлер справедливо замечают, что, подчеркивая свое участие в Сопротивлении, бывшие военнопленные в ходе фильтрационной проверки органами НКВД стремились несколько улучшить отношение к себе. Характеризуя советскую мемуаристику, авторы пишут: «Сохранились многочисленные воспоминания военнослужащих Красной армии, особенно офицеров, которые сообщали, что пытались организовать Сопротивление в лагерях военнопленных и концлагерях. Однако во многих случаях эти свидетельства оказываются сильно преувеличенными»⁴⁹. Помимо намеренного преувеличения существовали и случаи самообмана. Логика проста: если провинившемуся перед лагерными властями пленному помогали, значит, была организация. Вот один из примеров. Ю.Д. Кузнецов вспоминает, как ему с товарищем, прибывшим в штрафной лагерь и не поставленным на довольствие, заключенные, пройдясь по баракам, собрали кусочки хлеба. И вслед за изложением этого эпизода автор делает обобщение: «Начиная с этого лагеря и до окончания своего пребывания в плену, в любых лагерях я чувствовал себя на каком-то особом положении. Дело в том, что окружающие очень заботились о беглецах и вообще о всех тех, кто открыто выступал против нацистского режима. Они помогали не только едой, но и старались скрыть беглеца от разъяренных немцев. Причем эта помощь была организованной. Значит, в каждом лагере, как и в этом, была своя подпольная организация. С руководителями ее мне познакомиться не пришлось, да в принципе и не пытался»⁵⁰. Для целей реабилитации использовался и прием демонстрации отказа от возможностей

⁴⁸ Сабуров С.П. Указ. соч. С. 36.

⁴⁹ Отто Р., Келлер Р. Советские военнопленные в системе концлагерей Германии / Пер. с нем. М., 2020. С. 239. См. также с. 18, 263.

⁵⁰ Кузнецов Ю.Д. Без вести пропавший. М., 2005. С. 122.

облегчить свою лагерную и послелагерную судьбу: встать на путь предательства или сотрудничества с лагерной администрацией, выполнять обязанности полицейского, переводчика, канцеляриста, работника пищеблока и проч.

Эпоха горбачевской гласности открыла новый этап в историографии военного плена, а 1995 г. значительно расширил возможности для издания целого ряда мемуарных повествований. Усилиями исследователей и публикаторов, по инициативе самих мемуаристов или их родственников многое из того, что лежало на архивных полках, хранилось в музейных собраниях и домашних архивах, пришло, наконец, к читателю (см. Приложение на с. 373–374). Правда, как правило, без подробных вводных статей, источниковедческих и археографических комментариев. С уходом из жизни многих лиц, побывавших в плену, поток мемуаров на эту тему постепенно ослабевал и почти иссяк. Рассчитывать можно только на счастливые случайные находки и издание в полном объеме текстов, ранее опубликованных лишь во фрагментах или сильно искаженных правкой, купюрами и проч. в процессе редакторской работы.

Одна из «привилегий» профессии историка заключается в том, что она порой дает возможность ее обладателю испытать чувство удовлетворения от возвращения к жизни того, что, казалось бы, навсегда выброшено на помойку Истории. И это относится отнюдь не только к археологам, для которых мусорная яма древнего поселения — желанная находка, но и к историкам Новейшего времени, способным обнаружить любопытные письменные свидетельства, судьба которых, казалось бы, обрекала их на полное забвение. Историк-исследователь зачастую отнюдь не пассивно пользуется предоставленными в его распоряжение историческими источниками, формируя источниковую базу, но иногда самостоятельно, нередко неожиданно открывает их для себя, делая доступными как для специалистов, так и для широкой публики.

Характеризуя богатство фондов Государственного исторического музея (ГИМ), его руководители в свое время не случайно придумали для издаваемых сборников «Забелинских научных чтений» подзаголовок: «Исторический музей — энциклопедия (!) отечественной истории и культуры» (курсив и восклицательный знак мои). В разговорах же между собой музейные сотрудники иногда выражают ту же мысль, но не столь академично. Работая над новой выставкой в отделах хранения

и неожиданно в своих поисках обнаруживая ранее не известный никому из коллег экспонат, они с удивлением, смешанным с гордостью, восклицают: «В ГИМе есть всё!» Так случилось и с темой, связанной с судьбами советских военнопленных, которая до середины 1990-х гг. не являлась предметом специального изучения и не включалась в планы комплектования музейных коллекций. Но сегодня в собраниях Отдела письменных источников ГИМ (ОПИ ГИМ) хранятся два обширных, информативно ценных мемуарных повествования, написанных бывшими советскими военнопленными. Воспоминания одного из них — Ф.И. Чумакова, военврача, путь которого в немецкую неволю начался в августе 1942 г., готовятся к изданию. Здесь же мы дадим слово второму свидетелю печальных событий минувшей войны...

Мемуары Георгия Николаевича Сатирова (1904–1981) были переданы на хранение в ГИМ его племянницей Элеонорой Сергеевной Никольской в декабре 1994 г. при посредничестве ведущего сотрудника отдела картографии кандидата исторических наук А.К. Зайцева. К тексту приложена составленная ею биографическая справка об авторе на трех машинописных листах, датированная 6 апреля 1993 г.⁵¹ В музейные фонды поступили и некоторые личные документы Г.Н. Сатирова (военный билет офицера запаса и др.). Позднее, в 2005 г. этот небольшой архивный комплекс был дополнен еще 40 предметами (часть которых была принята в научно-вспомогательный фонд). Все материалы сегодня находятся в необработанной части фонда 459 ОПИ ГИМ.

Согласно имеющимся документальным сведениям (включая автобиографические детали, которые содержатся в воспоминаниях) можно восстановить основные вехи биографии мемуариста.

Георгий Николаевич Сатиров родился 2 мая 1904 г. в семье священника в г. Геокчае (Азербайджан)⁵². По национальности он грек-цалкинец. Его предки были когда-то вывезены из завоеванной Греции в Турцию, где стали заниматься медеплавильным ремеслом. Со временем они забыли родной язык, но сохранили православную веру. Во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. потомки греков помогали

⁵¹ *Никольская Э.С.* Сатиров Георгий Николаевич (1904–1981) // ОПИ ГИМ. Ф. 459. Ед. хр. 2. Л. 1–3.

⁵² По сведениям из удостоверения офицера запаса — в г. Варгенис Ардаганского округа Карсской области.

русским войскам, за что впоследствии Николай I предоставил им для жительства земли в высокогорной части Грузии. Так образовалось греческое поселение Цалка. Любопытно, что фамилия, доставшаяся мемуаристу от отца, писалась через о — Сотиров (от Сотириды — Спаситель). Но при выписке каких-то документов была допущена ошибка. Так вместо о в фамилии появилась буква а. Молодому человеку эта забавная ошибка понравилась, и он не стал настаивать на ее исправлении.

Отец мемуариста окончил Тифлисскую семинарию и получил приход в г. Геокчае. Во время Первой мировой войны его направили на фронт. Опасаясь межэтнических конфликтов, жена и шестеро детей переехали на Северный Кавказ, в г. Георгиевск. В 14-летнем возрасте Георгий остался без матери, которая во время Гражданской войны умерла от холеры.

Окончив реальное училище, он мечтал о профессии горного инженера, однако социальное происхождение помешало этому. «С ранних лет, — утверждает Э.С. Никольская, — самым дорогим для Г.Н. была книга»⁵³. Он занимался самообразованием, много читал, изучал древние и новые языки, штудировал книги древнегреческих и немецких философов. В одном из писем отцу 12 декабря 1938 г. Георгий Николаевич писал: «Я не нахожу никакого удовлетворения в сытой, обеспеченной, но безынтеллектуальной, растительной жизни. Поэтому меня несколько не страшит смерть под забором, только бы с книгой в руках»⁵⁴.

Вместе с тем он совершенствовал себя и физически: закалял тело, вырабатывал выносливость. В тексте воспоминаний есть такой пассаж: «Помню, во дни юности мне приходилось часто голодать. Моя студенческая жизнь была перенасыщена голодовками. В те годы я ел три, а иногда два раза в неделю. Голодал я и позже, но уже, правда, с целью закаливания. Однажды, это было в Свердловске в 1932 году, я в течение 10 суток ничего не ел и не пил. Перенес голодовку легко, на ногах, не бросая работы на Верх-Исетском заводе, куда каждый день ходил пешком из центра города» (с. 74)⁵⁵.

В 1922 г. Сатиров переехал в Москву и поступил в Институт физической культуры, который и окончил в 1926 г. Но постоянно пополняемые знания в области литературы, истории, философии позволили

⁵³ ОПИ ГИМ. Ф. 459. Ед. хр. 2. Л. 1.

⁵⁴ Копия письма — ГИМ 111581, НВ 6660/1.

⁵⁵ Здесь и далее ссылки на страницы настоящего издания.

ему одновременно экстерном сдать госэкзамены на педфаке 2-го МГУ (очевидно, по программе литературно-лингвистического отделения). В конце 1926 г. он был призван на военную службу, проходил курсы одногодичников при 82-м стрелковом полку 28-й Горской дивизии, с 1927 по 1929 г. преподавал литературу в школах Москвы и подмосковного Воскресенска, с 1929 по 1931 г. — на рабфаке Дальневосточного университета. До 1934 г. он успел поработать методистом культотдела, инструктором физкультуры и проч. В 1934 г. Сатиров переехал в Крым. До 1938 г. он занимался экскурсионно-туристической работой в Гурзуфском санатории РККА⁵⁶, много путешествовал, исследуя природу и памятники истории полуострова, затем увлекся пушкинской темой. Ему представлялось интересным все, что было связано с пребыванием поэта на Крымской земле. По его инициативе в Гурзуфе был открыт дом-музей А.С. Пушкина, в котором мемуарист с 8 апреля 1939 г. работал научным руководителем. В № 7 журнала «Крокодил» за 1938 г. (с. 14) опубликовано письмо Сатирова по поводу происходившей ведомственной борьбы, связанной с открытием музея. В альбоме «Артек» (М.: Медгиз, 1940), вышедшем к 15-летию детского лагеря, можно увидеть фотографию «Экскурсанты в Пушкинском музее», на которой Георгий Николаевич запечатлен со школьной группой.

В нескольких сохранившихся письмах Сатирова предвоенной поры содержатся интересные биографические детали, описание продовольственных трудностей и иные подробности быта⁵⁷. В одном из них, отправленном родственникам в Москву 12 ноября 1938 г., Георгий Николаевич рассказал о намерении поступить на исторический факультет МГУ или ЛГУ, куда направил запросы, но получил ответ лишь из Ленинграда. «Видно, в Ленинграде более любезная и приветливая публика», — выносит он свое заключение⁵⁸.

Война застает его в Гурзуфе. 3 сентября 1941 г. он пишет сестре в Пятигорск: «Через несколько дней обещают взять в армию <...>».

⁵⁶ В письме родственникам в Москву от 10 октября 1938 г. он сообщает о своем уходе из санатория и поступлении на работу в Госкурорт (см.: ГИМ 11581/7).

⁵⁷ Их обзор предпринят в публикации старшего научного сотрудника Музея А.С. Пушкина в Гурзуфе А.В. Вертель: *Вертела А.В. Гурзуф довоенный глазами Георгия Николаевича Сатирова (по письмам к родным)* // «Приду ли вновь, поклонник муз и мира...»: А.С. Пушкин и Крым. СПб.; Гурзуф, 2008. С. 145–149.

⁵⁸ ГИМ 11581/8.

Неудобно как-то сидеть в тылу в такой момент»⁵⁹. Будучи младшим лейтенантом запаса, он еще в июле 1941 г. записался в Ялтинскую бригаду народного ополчения и получил назначение на должность адъютанта старшего (начальника штаба) батальона. «Я руковожу Всевобучем⁶⁰ и командую батальоном народного ополчения», — сообщает он в почтовой открытке племяннице Элеоноре в Пятигорск 23 октября 1941 г.⁶¹ При прорыве в Крым наступающих немецких войск в конце октября 1941 г. ополченцы в районе Ялты попали в окружение, и 9 ноября 1941 г. Сатиров раненным был захвачен в плен⁶². До 26 марта 1945 г. он находился в лагерях для советских военнопленных в Германии, несколько раз пытался бежать. После освобождения войсками союзников и перемещения в советскую зону оккупации, пройдя спецпроверку при 1-й запасной стрелковой дивизии, приказом по Смоленскому военному округу № 0331 от 15 декабря 1945 г. Сатиров был восстановлен в воинском звании младший лейтенант, а на основании следующего приказа № 0332 в тот же день уволен в запас.

Учитывая, что близких в Крыму не осталось, Георгий Николаевич решил поселиться у родственников в Москве. Состояние его здоровья, очевидно, не оставляло иного выбора. В последний период пребывания в одном из германских лагерей Сатиров был сброшен охранником в шахту и только чудом остался жив. К счастью, искусство пленного хирурга-чеха, сумевшего справиться с серьезнейшей черепно-мозговой травмой, возвратило его к жизни. Для этого врачам потребовалось восстановить утраченную костную ткань черепа площадью 10–15 кв. см⁶³.

15 июля 1945 г. из Германии пришла в Москву открытка Сатинова — первая за четыре года войны. В ней он, обращаясь к родным,

⁵⁹ ГИМ 111581/10.

⁶⁰ По постановлению Государственного комитета обороны № ГКО-690 от 17 сентября 1941 г. «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», вступившему в силу 1 октября 1941 г., была введена обязательная 110-часовая военная подготовка без отрыва от работы для граждан мужского пола от 16 до 50 лет.

⁶¹ ГИМ 111581/11.

⁶² Архивная справка Центрального архива Министерства обороны РФ № 11/13688 от 21 февраля 2001 г. (архив публикатора); в военном билете есть запись о ранении в правую руку и левую ногу. Отметим, что сам Сатиров пишет в мемуарах о ранении и пленении не под Ялтой, а под Севастополем (с. 50).

⁶³ Сам автор упоминает о врачебном осмотре на советской территории, на котором врач определил, что «костный дефект черепа» составил 13×9 см (с. 308).

писал: «Четыре долгих и страшных года прошло с тех пор, как мы расстались. Едва ли Вы считали меня в числе живых, да и сам я не верил в свою звезду. Вижу, что ошибся: я в рядах баловней судьбы. Итак, спешу сообщить. Я жив и почти невредим. Надеюсь скоро свидеться и рассказать обо всем, что пережил...»⁶⁴.

Первый год после возвращения из Германии он не мог работать и жил на пенсию по инвалидности, раз в три месяца подтверждая ее во ВТЭК. Клеймо бывшего военнопленного препятствовало трудоустройству на работу в области литературоведения. Только в 1958 г. ему удалось устроиться на должность заместителя главного редактора журнала «Физическая культура в школе». Сатириков публиковал статьи, участвовал в составе коллектива авторов в написании учебника для факультетов физического воспитания педагогических вузов «Теория и методика гимнастики» (М., 1971) и проч. Выйдя в 1970 г. на пенсию и оставив работу, он продолжал свои литературные занятия дома. Тяжелая болезнь, с которой он мужественно боролся, не прекращая трудиться почти до самых последних дней, привела к уходу из жизни 20 ноября 1981 г.

Близким и окружающим Сатириков запомнился как очень добрый, очень нежный и ласковый человек, одновременно сильный и мужественный. Он был эрудированным, умным и интересным собеседником, общение с которым доставляло неподдельное удовольствие. Георгий Николаевич «много мог рассказать о событиях, в гущу которых всегда старался быть, начиная с первых дней революции и кончая последними годами его жизни, — вспоминает Э.С. Никольская. — Он слышал всех поэтов 20-х годов, ценил Мейерхольда, очень любил Блока, лично видел и слышал всех наших государственных и общественных деятелей <...>. Обо всем у него было собственное суждение, всегда не лишённое логики и объективности»⁶⁵. Не случайно в плену некоторые немцы принимали его за профессора.

Г.Н. Сатириков оставил после себя датированный 1947 г. труд «Систематика физического воспитания и педагогическая классификация физических упражнений», а также книгу для учителей и родителей о физической культуре, физическом воспитании и образовании, которые не были изданы. Автор был человеком совершенно «непробивным» и беспомощным по части устройства своих личных дел.

⁶⁴ ГИМ 11581/12.

⁶⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 459. Ед. хр. 2. Л. 3.

Мемуары о годах, проведенных в Германии, Сатилов, по утверждению его племянницы, начал писать вскоре после возвращения из плена. Не рассчитывая на то, что они могут быть в ближайшем будущем опубликованы, он не стремился в своем изложении увиденного и пережитого держаться в рамках цензурных требований. Работая над текстом много лет, Сатилов добивался литературного совершенства мемуаров. Будучи человеком исключительной требовательности к себе, он в конце концов счел, что все написанное им слишком далеко от идеала, и уничтожил рукопись. Но первоначальный вариант текста по счастливой случайности все же сохранился.

Вся эта история, по устным воспоминаниям Э.С. Никольской (13 мая 2001 г.), выглядит следующим образом. Сатилов проживал в одной квартире с племянницей до тех пор, пока не возникла необходимость ухаживать за пожилым близким родственником. Решено было отселить Георгия Николаевича в отдельную квартиру. Подготовка к переезду и связанные с этим сборы, как водится, сопровождались суетой. В один из моментов Э.С. Никольская увидела, что на полу валяется рассыпанная рукопись воспоминаний о плене. Опасаясь, что Сатилов может ее уничтожить, она подобрала ее и припрятала. Это был, по ее утверждению, первый вариант воспоминаний, подвергшийся позднейшим переработкам (в тексте появились отсутствовавшие ранее чертежи и проч.). С новыми редакциями мемуаров Г.Н. Сатилов знакомил Э.С. Никольскую у себя на квартире. Текст хранился в отдельной папке. Когда же после смерти автора она нашла и открыла эту папку, в ней лежали другие материалы, искомой же рукописи она так и не обнаружила.

Сохранившийся экземпляр Элеонора Сергеевна в декабре 1994 г. передала на хранение в ГИМ (вариант № 1), предварительно сделав с него машинописные копии. В архиве публикатора имеется сканированный текст перепечатки (вариант № 2), полученной от Э.С. Никольской. Очевидно, один из экземпляров, как упоминалось выше, и был передан в Гурзуф⁶⁶. Фрагмент воспоминаний был в 2004 г. опубликован⁶⁷.

⁶⁶ В беседе с сотрудницей Музея А.С. Пушкина в Гурзуфе Д.М. Биньковской 26 августа 2022 г. выяснилось, что текст мемуаров Г.Н. Сатилова в музейных фондах отсутствует. Поскольку музей до 1999 г. был филиалом Ялтинского историко-литературного музея, мемуары могли быть отправлены туда.

⁶⁷ «Русский человек и перед лицом смерти не пасует»: из воспоминаний военнопленного Г.Н. Сатилова / Подгот. текста, вводная статья и коммент. М.Г. Николаева //

Воспоминания охватывают события с лета 1942 г. до момента отъезда в СССР из Франкфурта-на-Одере в конце августа 1945 г. В тексте варианта № 1 имеются годовые хронологические разграничения: 1943, 1944, 1945, более подробные хронологические ориентиры отсутствуют, но частично восстанавливаются по упоминаемым событиям. Более подробная датировка появляется только в конце повествования, рассказывающего о последних днях пребывания в плену и репатриации. Не исключено, что автор мог вести в последние месяцы плена и после освобождения дневниковые записи (в тексте при изложении событий иногда встречаются слова «сегодня», «вчера», «третьего дня»).

На первом листе, который отличается от остальных сортом бумаги, имеется надпись: «Сатиоров Г.Н. Райш. 1946–1950 г.». Автор использовал в названии транскрипцию гессенского диалекта, характерного для произношения тех немцев, с которыми он продолжительное время общался, находясь в рабочей команде в г. Дармштадте. Объяснения особенностей этого диалекта автор подробно дает в тексте рукописи. Публикатор посчитал допустимым, оставляя авторскую транскрипцию в тексте произведения, в названии все же дать привычное «Рейх» с тем, чтобы потенциальные читатели не затрудняли себя решением загадки при взгляде на обложку книги на магазинной полке. С этой же целью название дополнено подзаголовком.

Воспоминания беллетризированы, в них встречаются отдельные лирические отступления, эссе, иногда прямая речь передает диалоги, которые автор явно не мог слышать⁶⁸. Это дает основание рассматривать текст и как мемуарное повествование, и как произведение документальной прозы, написанное хорошим литературным слогом, порой весьма образным и метафоричным.

Отечественные архивы. 2003. № 6. С. 58–92. См. также: *Николаев М.Г.* Советские военнопленные в Германии 1941–1945 гг. (по воспоминаниям Г.Н. Сатиорова) // Труды Государственного исторического музея. М., 2004. Вып. 143. С. 209–224.

⁶⁸ См., например, с. 199. Иногда погоня за литературной образностью, очевидно, увлекает мемуариста, нанося ущерб достоверности в передаваемых деталях. Так, описывая свой путь в здание дармштадтского гестапо, когда по дороге конвоир жаловался ему на превратности судьбы, автор пишет: «Так в лунную летнюю ночь исповедовался передо мной Тайный. И хотя мистическая цитра его мятущей души стенала и рыдала, он не отводил дула револьвера от моего затылка» (с. 230). Такие замечания, конечно, не следует воспринимать буквально.

Одна из особенностей изложения Сатинова — передача речи персонажей на языке оригинала (латиницей или в транскрипции кириллицей (с последующим переводом⁶⁹)). При этом автор весьма искусно передает языковое своеобразие лагерной среды. Историк А. В. Конопатченков применительно к другому типу лагерей — концентрационных — справедливо отмечает появление таких лингвистических конструкций, в которых для общения между узниками различных национальностей используются слова и выражения из разных языков — немецкого, испанского, русского, итальянского, польского⁷⁰.

Мемуарист — музейный работник, преподаватель и лектор (о чем лишний раз свидетельствуют многочисленные цитаты, ссылки, сравнения, употребления сложных понятий, оставленных без комментариев в расчете на эрудицию читателя), владел немецким, французским, некоторыми восточными языками. Отсюда большой круг общения в многонациональной лагерной среде, более обширная и разносторонняя информация. Он пересказывает содержание статей из немецких газет, агитматериалов, американских листовок на немецком языке, публикаций из французского журнала для военнопленных и проч. Очень любопытны описания немецких рабочих, мастеров, инженеров, охранников, медсестер, с которыми он имел возможность достаточно откровенно беседовать, а также соллагерников, включая иностранцев (французов, голландцев, поляков и др.).

Название, выбранное автором, свидетельствует о том, что главный акцент его повествования смещен в сторону раскрытия и показа сущности нацистского режима. На примере судеб военнопленных, остарбайтеров, немецкого окружения он разъясняет предполагаемому читателю, «каков этот расчудесный Райш». Можно только предполагать, что, весьма вероятно, за этим стоит желание облегчить возможность публикации своего труда, затрагивающего запретную тему плена. Написанное Сатиновым относится к той группе мемуаров доперестроечного времени, которые не прошли через сито советской цензуры.

⁶⁹ В своем автобиографическом романе С. П. Злобин также часто передает немецкую речь на языке оригинала, причем иногда, как и Г. Н. Сатинов, ссылаясь на особенности диалекта (в его случае — саксонского), сохраняет отличающиеся от литературного немецкого языка особенности произношения. См.: *Злобин С. П. Пропавшие без вести*. Кн. 1. С. 678.

⁷⁰ *Конопатченков А. В. Концлагерь Маутхаузен 1938–1945. М., 2015. С. 53.*

И если они и обнаруживают в себе самоцензурные ограничения, то в гораздо большей мере содержат информацию, не вписывающуюся в нормы политиздатовской и воениздатовской литературы.

По степени достоверности они близки мемуарам, авторы которых хорошо понимали, что их тексты не отвечают привычным канонам. Так, Ф.И. Чумаков в предисловии к своим воспоминаниям (1989), фрагмент которых был опубликован на страницах «Отечественных архивов»⁷¹, писал: «В моих мемуарах нет “лакировки действительности”, как нет и “социалистического реализма”, что приводит к диссонансу по отношению ко многим произведениям о войне и плене, особенно плене»⁷². Другой мемуарист — Б.Н. Соколов — также считал нужным предупредить читателя: «В этой повести для себя я старался держаться истины. Поэтому как о народе, так и о себе я говорю не только хорошее. Это не так просто. Насколько мне известно, так обычно не пишу»⁷³.

Одно из самых ценных качеств Сатирова как мемуариста — способность в условиях жесткого военного противостояния не руководствоваться в оценке людей и явлений категориями «свой» — «чужой», умение критически относиться ко всему, что попадает в поле внимания, вне зависимости от общепринятых установок, честность и мужество в описании некоторых случаев поведения соотечественников, неприглядных черт национального характера (с. 198, 281–282).

К немцам и их порядкам он способен относиться непредвзято. Так, рисуя обстановку на фабрике «Дунлоп», ранее принадлежавшей английской фирме, но позже национализированной, он описывает идеальную чистоту производственных помещений, механизацию, электрификацию и автоматизацию производственных процессов, наличие для рабочих раздевалок, шкафчиков, душа и заканчивает признанием: «Да, ничего не скажешь: в этом отношении есть чему поучиться у немцев» (с. 223). Перемещаясь пешим порядком по дорогам Германии

⁷¹ Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 67–88.

⁷² Чумаков Ф.И. Война и плен. Машинопись. 1989 // ОПИ ГИМ. Ф. 426. Д. 547. Предисловие. [Страница не пронумерована.]

⁷³ Соколов Б.Н. Указ. соч. С. 8. Воспоминания, написанные, очевидно, в середине 1970-х гг. (см. с. 222), к сожалению, изданы без полноценного источниковедческого комментария. При отсутствии декларируемого противопоставления, но по сути непривычно откровенно для своего времени написаны в 1981–1982 гг. воспоминания Н.П. Ундольского, создававшего их для родственного круга (см.: «...Мое четырехлетнее невольное путешествие на запад»).

в советской оккупационной зоне, он не может скрыть своего восхищения: «Что за диво эта немецкая автострада! Ей-богу, трудно даже представить что-нибудь более совершенное» (с. 303).

Еще ранее, попав в госпиталь, где медсестры-немки ухаживали как за военнопленными, так и за немецкими солдатами, автор делится в отношении них следующим наблюдением: «Я не могу сказать дурного слова о наших медсестрах. Особенно нравится мне одна хорошая черта, присущая всем им: у них нет любимчиков. Одинаково добросовестно и пунктуально обслуживают они всех и каждого из раненых пленяг, независимо от цвета их глаз. Как это ни странно, нам они уделяет не меньше внимания, чем немцам» (с. 262).

Э.С. Никольская характеризует мировоззрение Сатинова следующим образом: «Г.Н. был настоящим патриотом своей Родины. Родиной он считал Россию — Россию в дореволюционных границах, которая стала Советским Союзом. Он не принимал сталинский режим, объективно оценивал все хорошее и плохое, происходящее в стране»⁷⁴. Заметим, что в составе небольшого комплекса документов из его архива, поступившего в ГИМ, содержатся такие материалы, распространяемые в самиздате, как текст песни «Товарищ Сталин, Вы большой ученый...», статья Аугусто Панкальди, опубликованная в итальянской газете «Унита» 19 января 1963 г. и посвященная обзору положения советского изобразительного искусства после посещения Н.С. Хрущевым выставки «XXX лет МОСХа» в Манеже 1 декабря 1962 г., письмо Л.И. Брежневу, подписанное группой деятелей науки и искусства, встревоженных слухами о готовящейся реабилитации Сталина на XXIII съезде КПСС (14 февраля 1966 г.), «Открытое письмо» Ф.Ф. Раскольникову И.В. Сталину от 17 августа 1939 г. и др. Вместе с ними — малодоступная литература: сброшюрованная кустарным способом подборка журнальных вырезок и отдельные газетные страницы со стихотворениями Н. Гумилева, А. Ахматовой, М. Зенкевича, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Брюсова, И. Бунина, А. Крученых, В. Хлебникова, В. Каменского, И. Северянина, Т. Готье, Ш. Бодлера, П. Верлена, А. Рембо и т.п.

Г.Н. Сатинов, конечно же, не предстает в воспоминаниях критиком сложившегося к началу войны общественно-политического строя (в тексте мемуаров, повторюсь, легко можно обнаружить, наряду

⁷⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 459. Ед. хр. 2. Л. 2.

с возможно искренней симпатией идеалам Октября 1917 г., проявления самоцензуры), и тем не менее тот уровень правды, который содержится в его изложении, фактически ставит его в оппозицию к сталинской системе. Ну вот хотя бы такая картинка периода, предшествующего плену, которую рисует автор: «Нет, не забыть мне трагической маски солдата, отступавшего с нами на Севастополь. Помню, как подрался он с двумя матросами и как помирился с ними, как обнимались они втроем и плакали навзрыд, без конца повторяя все одну и ту же фразу:

— Продали нас, братки, продали. Продал нас Сталин, продали генералы и комиссары. Никому-то мы не нужны: все отступились от нас, все покинули нас. И остались мы одни: без генералов и комиссаров, без командиров и политруков, без танков и самолетов, без пушек и патронов. Продали нас, братки, продали.

Этот плач разносился над берегом, сливаясь с элегическим рокотом волн. Это горе не залить вином, шумными потоками низвергавшимся в те дни в черное-черное море.

Потом кончился драп и началась фаза окружения. И снова тот же лейтмотив прозвучал над морем: “Продали нас, братки, продали”. Но он звучит глуше, потому что боль сильнее.

И вот, наконец, третья фаза: пленение и рабство. И опять этот плач, перешедший потом в тихий стон бессловесных животных (ибо плен лишил нас почти всего человеческого).

Нет, не забыть тех трагических дней. Воистину, это была трагедия, то есть песнь о козлах, влекомых в Райш на заклание» (с. 132)⁷⁵.

⁷⁵ Ср. с позицией С. Злобина, который подобные стечения постарался объяснить стремлением попавших в плен снять с себя личную ответственность за случившееся: «Пленник не хочет взять на себя вину за то, что он не сумел защищать родину. Ему необходимо как воздух найти объяснение вне себя. И как ответ на мучительные поиски этого объяснения кем-то недобрым снова посеяны были слова “измена”, “продажа”» (*Злобин С. П.* Пропавшие без вести. Т. 1. С. 349).

Для полноты картины приведем здесь и дневниковую запись И. Г. Генова (1896–1970), заведующего орготделом Крымского ЦИК, во время войны — командира второго района партизанских отрядов Крыма, члена подпольного обкома партии. Размещенная в интернете его рукопись отличается от опубликованного в советское время текста (*Генов И. Г.* Четыре времени года (дневник партизана). М., Воениздат, 1969). Вот не вошедший в книгу фрагмент про отступление нашей армии в 1941 г. в Крыму:

«3-ХІ—41. Никогда не забуду отступление наших войск в эти дни. (Если беспорядочное бегство [вообще] можно назвать отступлением) [нрзб] из-за отсутствия бензина по дороге стоят десятки брошенных автомашин, брошенных искалеченных лошадей, разбитых повозок брошенных с кручи в овраг пушек и полевые кухни. Мимо

Не поостерегся автор привести в тексте мемуаров и один из типичных образчиков скудоумия, свойственного иным политработникам, выставив обладателей этой военной профессии в довольно непривлекательном виде (с. 315). Явную оппозицию он составляет подозрительности и жестокосердию в отношении репатриантов, когда вспоминает: «В пути потеряли шестерых. Нет, они не убежали, не дезертировали. Они ушли из жизни навсегда: двое утопилось, двое повесилось, один отравился, один перерезал себе горло бритвой. Когда старшему лейтенанту, командовавшему нашим батальоном, сообщили о шести самоубийцах, он сказал, не задумываясь: “Собакам — собачья смерть. Раз покончил с собой, значит, виноват перед Родиной. Туда им дорога!” Но старший лейтенант — невежда: он не знает психологии, не понимает и не хочет понять, что творится в душе бывшего пленяги, пережившего ужасы Райша и бредущего сейчас к пенатам своим. Нет, закоренелый негодяй, подлый изменник и предатель, всякого рода продажная тварь цепко держится за жизнь. Человек, лишенный моральных устоев, никогда не решится учинить над собой насильственную смерть. Легко расстаются с жизнью только невинные души, чувствительные натуры, идейные люди. Именно такими и были эти шестеро, покинувшие нас в пути» (с. 305). Не умалчивает Сатиров и о таком характерном

все время идут в разброд группами и в одиночку, грязные, оборванные, обросшие, измученные, уставшие и обозленные солдаты. Все [они] идут еле ноги волочат и никого из них никакого военного вида идут не как солдаты, а как колхозники после работы. Каждый думает только о своем собственном благополучии, им кажется, что действительный секрет спасения от опасности — это спешить и они спешат: одни на Керчь, а другие на Севастополь.

Вот неделю, как я наблюдаю за этим позорным зрелищем, и до сих пор я ни разу не видел, нигде не видел старших офице[ро]в, а тем более генералов их как будто в армии у нас не было и нет. Одни только лейтенанты да капитаны, вот кого солдаты видят возле себя. Этим видимо и нужно объяснить ту их исключительную злобу, с какой солдаты провожают старших офицеров когда они [как угорелые] мчатся [мимо них] на своих “эмках”.

Что может быть позорне[е] пьяного офицера. Пьянка приняла массовое распространение, а это главная [причина] ослабления дисциплины. Рыженко Гриша и Коновалов Сергей мне рассказывают, как они сегодня доставали у солдат оружие. За одну флягу вина — винтовку, за флягу спирта — автомат. Таким образом они набрали десятки винтовок и несколько автоматов. Если солдат [а тем более [нрзб]] пропивает свое оружие это уже не солдат!! Коновалов говорит “Хорошо, что бегут, а не остаются и в плен не здаются. А то что бегут это ничего: побегут, побегут, да где небудь останются!”» (https://vk.com/wall-194495149_355) (дата обращения 25.08.2022).

феномене, как нежелание большинства репатриантов после освобождения спешить сообщать о себе родным, что вызывалось боязнью их расстроить, если вдруг волею судьбы они последуют в направлении Колымы (с. 318).

Не скрывает он и случаев проявления отнюдь не патриотичного отношения к пленным со стороны местного населения в первые месяцы войны: «Нахватавшие всякого советского добра колхозники издевательски кричали вслед нам: “Что, навоевались, сталинские иксососы? С голоду теперь подыхаете? Так пусть вас Сталин кормит!”» (с. 188). Наряду с комплиментами национальному характеру Сатиров имеет мужество высказать и горькие критические суждения в отношении соотечественников (с. 198), упоминает о случаях национальной вражды в среде военнопленных, оскорбительного отношения русских к представителям нацменьшинств. В тексте встречаются факты, не только иллюстрирующие взаимопомощь лагерников, но и свидетельствующие об острых конфликтах на бытовой почве. Все это также не соответствовало общепринятым канонам.

В период послевоенной кампании борьбы с «космополитизмом» автор безбоязненно пишет о сердечности швейцарских пограничников, пытавшихся препятствовать выдаче беглецов-военнопленных немецким властям, с симпатией отзывается об американских солдатах, с которыми сталкивался в зоне оккупации Германии. Упоминает о возникших на исходе войны сильных проамериканских и антиколхозных настроениях главным образом у пленных украинцев из села, осуждает так называемый «квасной патриотизм» (с. 175, 292, 237, 317).

К фрагментам, к которым могли быть предъявлены самые жесткие цензурные требования, относится и описание «свободной, легкой, веселой, гульливой» жизни советских военнопленных в период после освобождения и до репатриации. В этой связи абсолютно цензурно непроходимыми представляются рассказы о случаях уступки и даже продажи репатриантами сожительствующих с ними русских девушек американским солдатам и о сочувственном отношении слушателей этих рассказов к персонажам, совершившим эти «торговые сделки» (с. 320). Не менее «колоритны» и другие непубликабельные эпизоды. Данная часть воспоминаний заслуживает особого внимания. Весьма симптоматично, что самый большой фрагмент — 23 страницы отсутствующего (утраченного) текста — относится к изложению событий данного

периода. Без всякого сомнения, это досадная и невосполнимая, увы, потеря. Но даже то, что уцелело, в известной мере заполняет лакуны, оставленные многими мемуаристами, предпочитавшими не слишком откровенничать и обходить стороной щекотливые темы.

Вместе с тем у автора встречаются и такие пассажи: «В нашем русском бараке настроение в общем хорошее. Ребята мигом раздолбают всякого пленягу, в словах которого почуют хоть легкий привкус антисоветчины» (с. 105). Однако, сообщая о случае согласия одного из военнопленных, вошедшего в доверие к гестаповскому начальству, получить статус фольксдойча, Сатиров не изображает отношение к такому поступку как всеобщее безоговорочное осуждение. Авторская фразеологическая конструкция предполагает, что мнения разделились приблизительно поровну (с. 198).

Мемуары содержат характерные для времени написания «оправдательные пассажи», связанные с вынужденной работой советских военнопленных в германской промышленности. Мотив «жизнь в плену хуже смерти» — также характерное проявление защитной реакции от государственного и общественного осуждения. Этот мотив, возможно, сказался и в передаваемом отношении к условиям лагерного содержания французских военнопленных, где сквозит некоторая доля пренебрежения, чуть ли не упрека, притом что они, безусловно занимая более высокую строчку в немецкой расовой «табели о рангах» и получая поддержку из дома и от Красного Креста, находились в привилегированном положении по сравнению с русскими пленными⁷⁶.

Саботаж и уклонения от работы на производстве описаны в таких сценах, которые заставляют усомниться в полной неспособности администрации наладить учет и контроль за трудовыми процессами. Иногда проявления либерализма со стороны лагерного начальства автор объясняет идеологической мотивацией (с. 93) и т.п. С другой стороны, мемуарист не обходит стороной тот факт, что после бомбежек и разрушений начальство госпиталя, где он находился на излечении, приняло решение разместить в одном помещении вместе с ранеными немецкими военнослужащими и их союзниками русских «пленяг» (с. 253).

⁷⁶ Например: «Вообще, как посравнить да посмотреть положение французских и русских пленяг, — невольно приходит в голову мысль: разве наши милые “жабеды” — в плену, они — в раю... Ну чем не завидная жизнь у французского пленяги, если он, конечно, не штрафник?» (с. 220).

Отношение военнопленных к агитаторам РОА⁷⁷ также, очевидно, показано с несколько преувеличенной долей неприятия со стороны подавляющего большинства пленных. И это несмотря на то, что, действительно, процент тех, кто согласился вступить во «власовскую армию», был очень небольшим. Среди аргументов агитаторов отсутствуют действительные преступления сталинского режима, активно ими используемые, зато присутствуют легко разоблачаемые ложь и обман.

Автор иногда чуть-чуть «пересаливает» в демонстрации своей «советскости» (вне всякого сомнения искренней). Так, об открытии второго фронта он пишет: «У меня он вызывает двойственное чувство. С одной стороны, приятно и радостно: второй фронт приближает победу, уменьшает число жертв. С другой стороны, досадно, что не Советская армия перешагнет Рейн» (с. 223).

Текст не содержит того набора критических сентенций, который стал допустим в годы борьбы с культом личности, что свидетельствует в пользу того, что он писался до разоблачений преступлений сталинского режима на XX съезде КПСС (1956). Еще одно наблюдение. Вот как описывает автор гитлеровский режим: «Весь Райш усеян тюрьмами и каторжными концлагерями. В Немечине каждый шаг, любая мысль поставлены под контроль гештапо. Немец не может ни охнуть, ни вздохнуть без соизволения начальства. Слежка идет непрерывная: на заводе, на улице, в театре, в кино, в квартире, в поезде <...>. Явных и тайных полицаев “тьма-тьмушая” <...> не говоря уже об огромном штате секретных агентов. Немец по улице-то идет содрогаясь и озираясь» (с. 195). Если бы автор писал эти строки после хрущевских разоблачений, он, очевидно, не мог не задуматься о том, что этот фрагмент будет воспринят как аллюзия.

Другой характерный эпизод. Мемуарист передает слова одного из своих солагерников по штрафному лагерю в Ганау: «Лучше 10 лет в советском концлагере, чем полгода в Ганау». После этого сообщает, что вынесший такое заключение собеседник имел опыт пребывания в советском исправительно-трудовом лагере. Однако далее выясняется, что он получил свой десятилетний срок за убийство родственника, а за ударную работу освобожден лет через пять (с. 206). Оставляя открытым вопрос об обоснованности такого предпочтения при сравнении

⁷⁷ Русская освободительная армия (РОА) — в расширительном толковании название вооруженных формирований, созданных из числа советских военнопленных и воевавших на стороне Германии и ее союзников в 1942–1944 гг.

двух режимов, отметим то обстоятельство, что автор не находит возможным вспомнить о политических, а не уголовных сидельцах.

Встречаются строчки, в которых Сатиров с искренней симпатией вспоминает о Ленине, в то время как для «руководителя победоносной Красной армии» Сталина повода высказать аналогичные чувства не находится⁷⁸. В тех случаях, когда его имя все же упоминается, оно не сопровождается восторгами и славословиями. В одном из них автор употребляет по отношению к вождю ироническую «титулатуру» «наш родной отец» (с. 315), однако предметом этой иронии служит незадачливый политработник с его убогим лексиконом.

Если придерживаться версии о создании рукописи в 1946–1950 гг. (следы более поздних редакций не обнаруживаются)⁷⁹, то следует признать, что автор очень сильно удалился от тех канонов изображения минувших трагических событий, которые установились в официальной советской литературе в послевоенный период. Можно предположить, что процессы переосмысления недавнего исторического прошлого, начавшиеся после XX съезда КПСС, заставляли его испытывать неудовлетворение написанным. Отсюда, возможно, и постоянные переделки, о чем посчитала нужным упомянуть племянница.

Г.Н. Сатиров, убежденный гуманист и интернационалист, очевидно, в период плена симпатизировал и панславистской идее, которую он и его единомышленники обсуждали в своем кругу. Но более значимыми для понимания личности мемуариста являются не его идеологические и мировоззренческие установки, а избранная им моральная линия лагерного поведения, обнаруживаемая в конкретных делах и поступках.

В плену автор не по обязанности и не из расчета на весьма призрачное поощрение в трудно прогнозируемом будущем, а исключительно

⁷⁸ В одном из фрагментов автор допускает похвалу сталинскому заявлению о том, что «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается» (с. 241). Однако трудно согласие с этим, безусловно, правильным сообщением истолковать как приятие Г.Н. Сатириным сталинской политики.

⁷⁹ В пользу такой датировки свидетельствует, например, авторский перевод термина Untermensch и как «недочеловек», и как «подчеловек», когда, очевидно, в советской литературной традиции еще прочно не утвердился исключительно первый вариант. То же можно сказать и о нередко предпочитаемом термине SS-ман (или эсэсман) вместо привычного «эсэсовец» (с. 202, 203, 215, 218, 226, 227). О хронологии написания текста говорит также и использование термина «доходяка» вместо общепотребительного «доходяга», часто встречавшегося в лагерной прозе хрущевского периода (при публикации слово «доходяка» заменено на «доходягу»).

в силу искренних антифашистских убеждений воздействовал на умы и души соотечественников, поддерживал в слабых и колеблющихся веру в торжество дела борьбы с нацизмом. Не призывами и увещаниями, а собственным примером утверждал он идеалы справедливости и товарищеской солидарности против «волчьей морали», культ которой торжествовал в лагерной обстановке. Наблюдая жизнь в немецкой неволе, автор не скрывает неутешительных выводов (опять-таки не соответствующих пропагандистским установкам, проводником которых служила и советская проза). Г.Н. Сатиров при всей верности долгу, предпринимаемых побегах, уклонении от работы, а при случае и саботаже не пытается представить себя участником организованного Сопротивления, как это делали некоторые авторы, имея целью усилить реабилитирующие доводы для оправдания своего пребывания в плену. В его изложении кружок единомышленников хоть и ведет исподволь обработку пленных в патриотическом духе, но не изображается как какая-то организационная структура чуть ли не с уставом и правилами.

Весьма показательна для Сатирова реакция на увиденную в пути в период возвращения на родину толпу немцев, изгнанных поляками из Силезии. Вспоминая слова оскорбленной осенью 1941 г. насмешками двух молодых немецких солдат русской женщины, которая предсказала, что ее судьбу — голодной и скитающейся с малыми детьми — скоро разделят и немецкие женщины, мемуарист замечает: «И все-таки мне почему-то не весело от того, что исполнилось пророчество женщины из Ангары» (с. 323).

Подобная позиция позволяет нам гордиться подлинным величием духа, которое проявилось в мыслях и поступках таких наших соотечественников, как Г.Н. Сатиров, в обстановке, когда многие в своих действиях руководствовались своеобразно понятым «правом войны».

Мемуары Г.Н. Сатирова дают весьма богатый материал для тех, кто изучает проблемы, связанные с жизнью и бытом советских военнопленных в Германии. Особенно ценны зарисовки, характеризующие духовные помыслы, идеологические и нравственные ориентиры, определявшие их лагерное поведение. Представляет интерес и послевоенное осмысление феномена режима нацистской Германии, предпринятое русским интеллигентом не по заказу, а самостоятельно, по внутреннему побуждению, без использования идеологических штампов, на основании своего личного опыта.